

Прошло уже пять лет с тех пор, как я стал водителем молодого господина. За это время я наблюдал, как он из красивого юноши превратился в прекрасного молодого человека, а его характер, как и возраст, с каждым годом становился всё более сложным. За эти годы появлялось немало подходящих кандидатов, привлечённых его богатством и внешностью, но никто из них не смог выдержать его настоящего собачьего нрава. До сих пор единственными, кто оставался рядом с молодым господином, были многочисленные «постеры», заполнявшие его комнату. Я пришёл к выводу три года назад, что господин не способен уживаться с реальными людьми. Однако теперь этот вывод был опровергнут молодым человеком по фамилии Бай. Если я не ошибаюсь, он появился три года назад, и я помню, как господин тогда раздражался при одном его виде, ругаясь через несколько слов. Но сейчас... Ха-ха-ха, эти три года не прошли даром. Действительно, тридцать лет на восточном берегу, тридцать лет на западном. Даже строптивая женщина боится настойчивого мужчины!

Мысли водителя унеслись так далеко, что к тому моменту, когда машина подъехала к зданию «Шихуэй», Бай Чжань в его сознании уже превратился в Ван Баоцюань.

На пятнадцатом этаже секретарь уже всё подготовил. Толстые папки с документами заполнили рабочий стол, ожидая, когда господин Ши сядет за работу. Кофе, ручка, печать — всё было на своих местах.

Время летело быстро, когда Ши Тяньчэнь погружался в работу. Когда он наконец поднял голову, на улице уже зажглись фонари.

Он размял затекшую шею, и ассистент принёс ему рабочий ужин. После еды его ждало ещё одно внеплановое совещание, но при виде еды его тут же начало тошнить. Он уже слишком много раз ел эти коробочные обеды, и, вернувшись в город, он решил как следует побаловать себя.

Эта мысль снова вернула его к Бай Чжаню. Тот, должно быть, находился в таком же положении, если не хуже. Он, вероятно, всё ещё был в больнице, едва вернувшись домой, и через пару дней снова отправился туда. Наверняка он даже не успел нормально поесть, ведь больничная еда хуже, чем в съёмочной группе.

Почему бы не воспользоваться этим моментом и не пригласить его на ужин? Например, завтра вечером?

Мысль осенила Ши Тяньчэня, и он тут же начал искать свой телефон.

В этот момент секретарь как раз подошёл с коробкой в руках:

— Господин Ши, это мастер-копия записи с прошлогоднего корпоратива. Четыре компании. Хотите оставить резервную копию?

— Запись с корпоратива? — Ши Тяньчэнь слегка поморщился и махнул рукой. — Зачем она нужна? Отправьте её куда положено.

— Хорошо.

— Эй, подождите! — Ши Тяньчэнь остановил секретаря. — Запись с корпоратива... Есть ли там «Синьюйлэ»?

— Есть, господин Ши.

Ши Тяньчэнь задумался и сказал:

— Отправьте мне записку с «Синьуйлэ» на телефон.

— Хорошо, господин Ши.

Три дня спустя Бай Чжань получил звонок от Ши Тяньчэня с приглашением на ужин.

Бай Чжань с радостью согласился.

В тот день, в пылу момента, он отчитал Ши Тяньчэня прямо на улице, но позже, вспомнив, понял, что был слишком резок. Не говоря уже о том, что Ши Тяньчэнь сразу же помог ему, когда он нуждался в деньгах, даже если бы они были просто коллегами, он не должен был так унижать его. Он помнил, что рядом стояла машина с водителем, и он отчитал Ши Тяньчэня на глазах у его подчинённого. Удивительно, что тот не взорвался на месте.

Он не был человеком, который бы так поступал. Почему же он так себя повёл?

Неужели он стал слишком самоуверенным из-за того, что почувствовал расположение Ши Тяньчэня?

Ему стоило бы себя отругать!

К его удивлению, вернувшись в больничную палату, отец больше не поднимал тему Ши Тяньчэня. Удивившись, он сопоставил это с тем, как Бай Тин жёстко обошёлся с цветами, и начал немного понимать.

Ши Тяньчэнь был щедр, обаятелен и умел подстраиваться. Даже если он иногда поступал глупо, это не было большой проблемой. Богатство и внешность — это универсальные пропуски в любом обществе.

Видимо, отец уже давно смирился с тем, что его старший сын — гомосексуалист. Его резкость в тот день была лишь попыткой преодолеть свои внутренние барьеры. Теперь, когда появился этот богатый и красивый «каменный лев», он перестал упрячиться.

Так что Ши Тяньчэнь, можно сказать, сыграл отличный пас.

За эти дни состояние отца стабилизировалось, и мать Бай Тина должна была вернуться в течение недели.

Бай Чжань, полный чувства вины, записал это в своём уме, не подозревая, что его ждёт ловушка.

В шесть вечера Бай Чжань, собравшись, уже собирался выйти, когда в дверь постучали. На пороге стоял водитель Ши Тяньчэня. Не дожидаясь вопросов, водитель вежливо объяснил:

— Прошу прощения, господин Бай. Я пришёл за вами, но машина слишком длинная и не может заехать в переулок, поэтому придётся пройти пешком.

— А, хорошо, давайте пойдём.

Бай Чжань не ожидал, что за ним пришлют водителя. Увидев длинный лимузин, который с трудом помещался у входа в переулок, он не мог сдержать смеха: «Ши Тяньчэнь, должно быть, совсем с ума сошёл».

К тому же он чувствовал, что водитель относится к нему как-то странно, слишком вежливо. В конце концов, они оба были просто наёмными работниками, не так ли?

Машина плавно ехала, и местность становилась всё более безлюдной. Спросив водителя, Бай Чжань узнал, что их целью был загородный дом Ши Тяньчэня у подножия горы.

Через час в поле зрения появились знакомые ворота. Свет фар вспыхнул, ворота раздвинулись, и машина проехала по главной аллее сада прямо в гараж, где Ши Тяньчэнь уже ждал, чтобы открыть дверь для Бай Чжаня.

Какие почести! Помнится, в прошлый раз ему пришлось пять раз пересаживаться на метро, и его даже не пустили внутрь.

Выйдя из машины, Бай Чжань заметил удивлённый взгляд водителя. Он начал понимать, почему тот так вежливо и отстранённо к нему относился. Сопоставив всё, он не чувствовал радости, а скорее лёгкое беспокойство.

— Мы сотрудничаем уже давно, но я так и не удосужился как следует пригласить тебя на ужин. Сегодня я выбрал свой дом. Надеюсь, ты не против?

В отличие от Бай Чжаня, одетого в повседневную одежду, Ши Тяньчэнь выглядел так, будто собирался на концерт. Даже волосы были уложены идеально. Хотя Бай Чжань уже привык к его безупречной внешности, после нескольких дней разлуки он снова был поражён.

— Конечно, я не против. — Бай Чжань ответил, избегая его пристального взгляда. — Это хорошая привычка. Когда станешь знаменитым, лучше всего ужинать дома, чтобы не привлекать внимания папарацци.

Через некоторое время он добавил:

— Прости, я не знал, что мы будем у тебя дома, и не принёс подарка.

Ши Тяньчэнь тут же ответил:

— Ты сам — лучший подарок. Зачем ещё что-то приносить?

Бай Чжань сдерживал смех и продолжил:

— Ещё я хочу извиниться за тот день. Я был слишком резок и вёл себя неподобающе.

Ши Тяньчэнь наклонил голову и мягко подтолкнул:

— Кроме поведения, может, ещё и слова были не совсем подходящие? Например, когда ты говорил о наших отношениях...

— Думаю, слова были довольно точными.

Ши Тяньчэнь пожал плечами:

— Как скажешь.

Под руководством Ши Тяньчэня они направились в гостиную. В этот раз впечатления Бай Чжаня от этого дома были совсем иными. Возможно, из-за времени суток: закат окрашивал небо в яркие краски, и вид из больших окон был невероятно живописным.

— Почему никого не видно? — не удержался Бай Чжань.

Не только управляющего, но и слуг нигде не было.

— Я пригласил тебя на ужин, они только помешают. — ответил Ши Тяньчэнь.

Продвигаясь дальше, Бай Чжань с удивлением заметил, что, кроме столовой, нигде не горел свет. Лишь в углах мерцали несколько настенных ламп, создавая загадочную атмосферу.

Бай Чжань чувствовал себя слегка озадаченным.

Вдалеке зазвучала музыка, и, взглянув на стол, он увидел цветы, красное вино, музыку... Это же свидание!

Неужели после ужина они ещё и фильм посмотрят?!

А что будет после фильма?

Здесь, в глуши, он чувствовал себя совсем небезопасно!

Ему хотелось схватить Ши Тяньчэня за ухо и закричать: «Где твои сто слуг? Вызови их скорее!»

Но, как бы он ни возмущался внутри, внешне он сохранял спокойствие. В конце концов, он не был неопытным мальчишкой, и Ши Тяньчэнь пока ничего не сделал. Сначала нужно поесть.

К счастью, блюда были изысканными, явно приготовленными знаменитым шеф-поваром. Сочетание китайской и западной кухни, всё выглядело и пахло великолепно. Как только Бай Чжань начал есть, все его опасения отступили на задний план. Ведь с момента своего «возрождения» он давно не ел по-настоящему хорошей еды.

Он не считал себя человеком, который гонится за удовольствиями для желудка. Будучи публичной личностью, он привык следить за фигурой, и даже после «возрождения» продолжал придерживаться прежнего образа жизни, ограничивая себя в еде и занимаясь спортом.

<http://bllate.org/book/16361/1479692>